

Ноговицын В.В.

ИЗ ИСТОРИИ НИКОЛО-КОРЯЖЕМСКОГО МОНАСТЫРЯ

В истории Государства Российского Николо-Коряжемский монастырь занимает особое место. Основанный в 1535 году, он на протяжении четырех с лишним веков служит оплотом православной веры. Многие исторические катаклизмы происходили с ним. Взлеты, падения, разоры, козни и казни - все он видел, все пережил. Приведем лишь некоторые моменты из жизни этой православной обители.

Не было скромным убранство церквей Николо-Коряжемского монастыря. Могушественные Строгановы, опекавшие монастырь в период становления, позаботились, чтобы оно не уступало сольвычегодским храмам. Да и государи российские неоднократно осыпали здешнюю обитель своими дарами. И в поздние времена, когда щедроты стали не столь часты и велики, тут не могли пожаловаться на крайнюю бедность. «Утварью церковного монастырь достаточен», - записано в ведомостях 1864 года. Правда, с добавлением: «излишеств тоже нет».

Гордились тут своей звонницей. Редкий монастырь имел такие «голосистые» колокола. Их было одиннадцать, в 600 пудов веса. Самый большой - благовест - свыше 103 пудов. Кстати, тяжелый осколок, вероятно, от него, обнаружен недавно при земляных работах на территории прихода: все, что осталось от сброшенных наземь в тридцатых годах и определенных в переплавку колоколов.

За год до Октябрьской революции, помимо священнических облачений, счет которых велся десятками, к особо «замечательным предметам» определили на престольный крест с частицами мощей русских святых (частиц было ни много, ни мало 88), а также, по преданию, принесенный преподобным Лонгином Коряжемским Образ животворящего Креста Господня, врезанный в доску. С этой реликвии начиналась коряжемская обитель.

Значилась в перечне и власяница (уж не та ли самая, что была возвращена коряжемскому храму в июне 1998 года сольвычегодским музеем?). Деревянный посох и схима епископа Вятского и Великопермского Александра тоже представляли великую ценность. В ранних же описаниях обязательно упоминалась пелена с вышитым в полный рост

изображением преподобного Лонгина. Ею покрывалась стоящая в Благовещенской церкви бронзовая рака с нетленными мощами святого. Искусница была баронесса Матрена Федоровна Строганова, создавшая и подарившая этот шедевр! В последнее время отреставрированная пелена побывала на выставках во многих странах. В программе «Время» однажды мелькнул кадр: в Ватикане ее пристально рассматривает сам папа римский Иоанн Павел II.

В разные времена благосостояние монастыря колебалось. Монашество же кормилось от земли, грудами своими содержало и себя, и обитель. Поля, скот, мельницы давали пропитание. Торговали также иконами и крестиками, духовной литературой. В 1916 году, к примеру, было выручено от продажи более 450 рублей. Мало того, одних пожертвований от богомольцев имели, как указывается в отчетах, «из кружки преподобного Логгина (так, с двумя «г», писалось прежде имя святого - В.Н.) - 800 рублей, Епископа Александра - 211 рублей 45 копеек, высыпано из кружки со станции Котлас - 585 рублей». Помимо этого, монахи обходили с емкостями для пожертвований окрестные деревни: хоть «пяточок», но давали крестьяне. Помимо того, обители начислялись проценты с имеющихся капиталов из разных кредитных учреждений.

Значительная часть этих денег шла на обустройство ветшающих храмов, оплату работы каменщикам и плотникам, «на малярные материалы». За счет пожертвований монастырь содержал в лазарете койку раненого участника первой мировой войны.

Начато двадцатого века сулило Николо-Коряжемскому монастырю новый расцвет. Ведь он обрел прежнюю самостоятельность, утерянную в 1864 году (тогда он был приписан как приход к Сольвычегодскому Введенскому монастырю). Однако этого не случилось - помешала революция 1917 года. Тем не менее, в 1918 году коряжемскую обитель не лишили полностью культового имущества, оставив его, как сказано в документах, в пользовании «религиозного общества», «по договорам».

Осенью 1926 года новые власти провели проверку и оценку всего, что имелось в Коряжме. 12 и 13 сентября исследовано содержимое Благовещенской и Спасской церквей теперь уже бывшего монастыря. Что-то из реквизированного имущества ушло в Сольвычегодский музей, а что-то в утиль. Некоторые вещи потихоньку разнесли по деревенским избам. Отсюда, видимо, и попало несколько коряжемских икон в ныне действующий Сольвычегодский Введенский собор, в храмы Великого Устюга. Да и в московских и петербургских государственных музеях и хранилищах имеются культовые предметы из Коряжмы.

Как известно, во второй половине девятнадцатого века проходила реформа церкви. Дело шло к укрупнению приходов. Малые из них, не

приносящие прибыли, и содержание которых становилось обременительным, предлагалось либо закрыть, либо превратить в приписные. Во всех российских епархиях была проведена, своего рода ревизия владений.

В то же время в Самаре надумали основать новый монастырь. А поскольку на его строительство требовались немалые финансовые затраты, то последовало предложение - упразднить какой-либо из давно существующих монастырей: дескать, большого ущерба «интересам благочестия» это не принесет, а деньги, отпускаемые в неперспективную обитель, можно использовать иначе.

В Синоде с такой трактовкой согласились. А выбор остановили на Вологодской губернии, в коей только мужских монастырей насчитывалось восемнадцать. При «густоте» других, находящихся поблизости храмов (в одном только Сольвычегодске их с дюжину), при невеликом штате (к тому моменту в Коряжемском «божьем приюте» проживали десять монашествующих) упразднение монастыря не могло пагубно сказаться на религиозной жизни округа.

Наверное, возымело влияние на такой выбор и другое обстоятельство. До Москвы и Вологды доходили сигналы о, мягко говоря, неуравновешенности здешних обитателей. Молва о неблагополучии обростала подробностями и деталями. Так, в одном из рапортов 1849 года писалось: «между братством... и старшим, и младшим, есть немало больных (нравственно). Спросить управляющего монастырем, лечит ли он этих больных или чем лечит их?»

Немало беспокойства доставил и священник Вдовый (в миру - Иван Михайлович Попов), неоднократно наказываемый, но так и не образумившийся. В 1860 году ему было запрещено священнослужение - «за самовольные отлучки из монастыря, нетрезвую жизнь и другие поступки». Да и «сотоварищи» оных «дерзили».

Все доводы были явно не в пользу «Коряжемы». Монастырь решено было приписать к другому, крепко стоящему на ногах, - Сольвычегодскому Введенскому. И указ об этом появился 26 ноября 1863 года (здесь и далее датировка по старому стилю - В.Н.). А 22 января 1864 года его официально закрыли. Казну описали, найдя ее «скудной» - всего лишь 400 с лишним рублей.

На освященную землю пришли тишина и тоска, грустно отмечал летописец. Никто не знал, сколь долго продлится такая немилость. Отныне лишь изредка, да и то по великим праздникам, велись службы, как правило, приезжими из уездного града священниками. А чаще всего двери обительских строений были на замке.

Пребывавшие в немалом унынии бывшие здешние служители, переведенные по божьей милости и волеизъявлению церковных властей в другие монастыри, а также жители ближайших деревень все же не оставляли надежды вернуть обители прежний статус. Однако их намерения оставались лишь мечтами.

Возможно, они даже писали в высшие инстанции слезные прошения: надо-де открыть самостоятельный приход с причтом! Ведь обратились же с аналогичной просьбой в Вологду жители села Городище Метлинской волости. Но из Вологодской Духовной Консистории, ссылаясь на Святейший Синод, ответили: «Означенную просьбу... оставить без последствий» (подлинник письма - в личном архиве автора). Причина: «отдельные принты сих церквей не могли бы иметь безбедного содержания» из-за «малочисленности прихожан». Бумагу с аналогичной отпиской могли получить и в Коряжме.

Возрождение же монастыря началось в 1896 году. Указом Синода от 13 апреля ему возвращена долгожданная самостоятельность, а 30 июля настоятелем сюда назначили иеромонаха Нектария (Нестора Акиндинова), бывшего казначея Спасо-Прилуцкого монастыря, что под Вологдой. В этой должности он пробыл четыре года.

В его бытность церковная территория приведена в «благоустроенное состояние». В 1897 году построены двухэтажный деревянный корпус и одноэтажный «ветхий», в котором размещались пекарня и братские кельи. В 1898 году появились крытые тесом дровяники. Подправлена деревянная рубленая ограда. Многие работы производились на средства, завещанные коряжемскому монастырю кяхтинским купцом, уроженцем Сольвычегодска Михаилом Андреевичем Хаминовым. 45 тысяч рублей - это деньги.

Были и другие дары и подношения. К примеру, в 1908 году «на средства добротных благотворителей» приобретен 311-пудовый колокол. Здесь уже могли не только производить ремонт, но и всерьез заняться строительством. А в августе 1904 года начато возведение новой пятиглавой церкви Во имя Преподобных Чудотворцев (ныне называемой Лонгинской).

Начало августа, 8 число. Природа ликовала: стояли теплые погожие дни, самая страда. Но жители ближайших к Коряжемскому монастырю деревень, будто забыв о ней, загодя шли и ехали к обители. Много раз ими повторялось слово «торжество». И лишь тут, на месте, полно раскрывался смысл сказанного.

Ожидалась закладка первого камня в основание новой церкви. Редкое событие, если учесть, что уже более столетия не поднимались на здешней территории храмы. Строительство, как полагалось, должно было стать новой вехой начавшегося двадцатого века. Как производилось еще возвышеннее - знаменем.

Накануне, 7 августа, игумен Феодосии, благочинный Устюжского викариатства, вместе с монахами и «прочю свитою» поджидал епископа Великоустюжского Гавриила. Рано утром к берегу пристал пароход «Ангарец». И процессия от него под радостные колокольные звоны двинулась к главным монастырским воротам - «святым», арочным.

Позже события того дня и последующего будут описаны до мельчайших подробностей. Книжицу «Торжество в Коряжме» - 18 страничек на дешевой газетной бумаге - выпустила на будущий год Санкт-Петербургская типография издателя И. Генералова. И из нее российские обыватели узнали о происшедшем, которое, по словам неизвестного автора, «произвело глубокое впечатление на всех молящихся, тронув и умиливая сердца многих из них до слез».

Пожалуй, впервые в одно время собралось столько священников округа - из Сольвычегодска, Великого Устюга, Христофоровой Пустыни. Все они участвовали в литургиях и водосвятном молебне, крестном ходе. Епископ Гавриил, вознося хвалу Господу, не забывал сказать о Николо-Коряжемском монастыре, о его духовном покровителе Лонгине и о великом ближайшем будущем, которое ждет эту обитель.

«Над местом закладки была устроена прекрасная сень из зелени. Все это придавало торжеству еще более радости и блеска», - вспоминал восторженный летописец. Наконец, главный момент. Владыка с помощниками заложил в будущий фундамент плиту из мрамора с соответствующей надписью. Ее окропляют святою водою. Что испытывал в те минуты настоятель игумен Павел, какие благостные мысли обуревали его? Ведь редким людям из духовенства дается в жизни такое счастье - стать, как он, «храмосоздателем».

Как водится, трапезничали. Большие столы ломятся от угощений. Все богомольцы, явившиеся в Коряжму (а было их до двух тысяч), сытно накормлены. От стола общего Пресвященнейший переходит в настоятельские покои, чтобы и там «откушать монастырского хлеба-соли». И вот Владыка с гостями отбывают. Недолго длится расставание. И покуда пароход не скрылся за горизонтом полноводной Вычегды, вслед ему слышатся церковные песнопения. И так же долго не расходитесь высыпающий на берег люд.

Автор брошюры от рассказа о закладке нового храма (с трапезой и братским корпусом) переходит к истории монастыря, который «был закрытым 32 года и крайне обеднел ко времени возвращения ему самостоятельного управления». Он даже позволяет себе показать картину запустения: «Приезжай, столичный житель, и посмотри на эту бедную украшением обитель «Коряжма», вокруг которой 3-4 деревушки с почти разрушившимися лачугами (домиками), в которых крестьяне еле-еле жизнь влачат, живя подчас впроголодь». И за монашествующих автор «заступается»: они «работают всякую работу: пашут, косят, жнут, молотят», все они «с загорелыми лицами и мозолистыми руками». Все братство, уверял пишущий (судя по всему, тоже монах), «как мураши, целые дни проводят время в трудах».

Новый храм, также не без труда иноков, строился девять лет. Он стал воплощением их неукротимой веры в Бога. Здесь, на этой земле, им отчетливее, чем кому-то другому, был виден свет небесный.

Письмо, о котором пойдет речь, наделало немало переполоха. Кое-кто «наверху» (а «внизу» и подавно) посчитал письмо чуть ли не идеологической диверсией, способной подорвать крепкие устои социалистического общества. Если бы прошение в Архангельский облисполком сочинил кто-то один, его бы, возможно, не заметили. Но на бумаге стояли подписи двух десятков человек «из числа верующих». И приложение - около сотни подписей жителей Княжи, Прилук, Светика. Пугающе странной казалась их просьба открыть в поселке храм. Зачем? Для чего?

Шел 1974 год. Реакция на неожиданную «выходку» последовала незамедлительно. Действовали большей частью по партийным каналам, но ситуация, судя по всему, прорабатывалась и в «органах». Удар по смутьянам решено было нанести через средства массовой информации, подключив к процедуре и котласскую районную газету, и местные многотиражки. А в рабочих коллективах экстренно созывали собрания. Необходима была яркая (и ярая) демонстрация того, как трудовой народ сердится: «Кипит наш разум возмущенный!»

Особое преуспевание показали тогда коряжемские строители (или просто кто-то очень захотел, чтобы они его показали). Агитаторы-информаторы во время перекуров наспех объясняли рабочим суть «проблемы». Просившие открыть церковь люди представлялись либо выжившими из ума стариканами, либо конченными дегенератами, либо того хуже - злостными антисоветчиками. Людей попросту сбивали с толку. В принципе их мнения не требовалось. Нужна была фамилия, как галочка в отчете. Остальное за них делали другие.

Судя по стилю, и открытое письмо верующим, принятое коллективом шестого строительного-монтажного треста, и мнения общественности, и гневная публикация в газете «За коммунистический труд», в коей как бы показывалось истинное лицо боголюбцев, писались одной рукой. Православным угодникам власть предпочитала своих. С этими «угодниками», как правило, легче договориться.

«Мы хотели и хотим, чтобы они (дети - В.Н.) зримо видели прекрасное будущее - коммунизм, чтобы в их мир никогда не вошло прошлое...» - это из «Рабочего ответа». «И в этот прекрасный мир социализма и обновления кое-кто упорно хочет затащить груз темного прошлого. Вот почему мы, строители и монтажники Всесоюзной ударной комсомольской стройки, гневно осуждаем поведение кучки верующих, направивших письмо в Архангельский облисполком с просьбой открыть церковь в Коряжме. Мы протестуем против подобного заявления».

А ничего страшного то письмо в Архангельск не содержало. Тем более, как заявлено, вызывающе громкого. Обычная просьба (не жалоба даже) жителя поселка, к которой присоединились другие верующие. Один гражданин, используя свои гражданские права, обратился к вышестоящим чиновникам - что тут криминального?

«...Сегодня религиозный миф рассеялся, как утренний туман, лопнул, как мыльный пузырь», - это из той статьи в газете. И здесь же - о космическом веке, в котором те самые верующие «остались в тени своих убеждений». И далее поучающим изобличающим стилем: «Но зачем же эти убеждения, если их так можно назвать, навязывать тем, кто строит новый мир, кто идет светлой дорогой социализма в коммунистическое завтра?»

Собственно, никто и не навязывал эти убеждения: хочешь - молись, хочешь - нет; хочешь - почитай Бога, хочешь - будь атеистом. Похоже, рьяный газетчик сам себя убеждал в своей правоте. Так, уцепившись за иногородних просителей, расценил их участие своеобразно: «грубая фабрикация». Мол, и на подлог пошли богоискатели ради достижения заветной цели, ничего святого нет у них за душой.

Все приведенные мнения «по горячему факту» придерживались исключительно одной линии: «Об открытии церкви в нашем поселке не может быть и речи!»; «Поселок молодежный, кто же в церковь пойдет?»; «Их (верующих - В.Н.) поступок вызывает решительное осуждение всей общественности»; «Нам церковь совсем ни к чему»; «Кто хочет молиться, пусть ездят в Сольвычегодск». Под цитатами стояли фамилии реальных людей.

По истечении времени приведенные тогда аргументы кажутся слабыми: и ссылка на первого «разгонщика» монахов - председателя уездного военревкома (потому что сопротивлялись); и сноски на исторический факт о приписке в 1863 году нашего монастыря к Сольвычегодскому Введенскому («Как видите, и в те далекие времена обитель не пользовалась большим успехом у верующих»); и опять указания на нечестность авторов письма: они-де насчитали, что от Коряжмы до Сольвычегодска 18 километров, тогда как всего-то 12. «Зачем же набрасывать лишние километры, товарищи верующие» - ехидствовал автор. И осведомленно напоминал, что летом «до Сольвычегодска регулярно курсирует теплоход, а зимой - по расписанию комфортабельные автобусы».

Дальше - больше. «И снова факты убеждают, что вся эта писанина (обращение в облисполком - В.Н.) сработана по принципу «бумага терпит». Бумага, может быть, и терпит, а вот труженики Коряжмы не могут сдержать свое возмущение. Побывайте в рабочих коллективах, послушайте, о чем говорит рабочий человек, как он реагирует на ваше предложение. И вы услышите твердое и четкое: «Церковь в Коряжме не открывать!» Якобы таково отношение большинства коряжемцев к людям, «сознание которых затуманено религиозными пред-рассудками».

Разоблачительная антирелигиозная работа на газетных страницах, повторяюсь, выглядит ныне, по меньшей мере, абсурдной. Но что было, то было. И не в страшные ГУЛАГовские времена, которые приня- то кистить налево и направо, а в недавние.

Церковь в Коряжме все-таки открыли. И тот самый народ захотел, чтобы она была. И одними из первых горожан, поднявших голос за восстановление исторической части Коряжмы, оказались... комсомольцы Котласского целлюлозно-бумажного комбината. На своей отчетно-выборной конференции они даже выступили с обращением к коряжемцам.

А автор той, «разгромной» (сейчас бы назвали: заказной) статьи умно заметил: «Да, время стирает грани. Но память жива. И порой даже очень надо вновь и вновь обращаться к ней, нашей памяти, чтобы видеть прошлое и настоящее!». Поэтому и необходимо это «возвращение в обратном», к давним и совсем недавним делам.

Чего только не было в здании храма в Советские времена: и детский дом-коммуна (в 1920-е гг.), и контора Котласского штаба Котласского военного аэросанного училища (в 1940-е), и дирекция строительства Котласского ЦБК (в 1950-е), и склад отдела рабочего снабжения целлюлозно-бумажного комбината (в 1960-80-е годы).

Потом на защиту монастырских строений поднялась общественность. Время было такое - перестроечное: разрешили религию. Кстати, среди поборников и заступников были и вчерашние атеисты, хулиги, гонители и осквернители. Словом, заблудшие.

30 июня 1989 года сессия городского Совета народных депутатов передала все монастырские постройки в пользование православной общине. 25 июля того же года на соборном куполе появился православный крест, который позже будет заменен на новый, разработанный в отделе главного конструктора и изготовленный на ремонтно-механическом производстве Котласского ЦБК. Кстати сказать, многие чертежи для культовых сооружений коряжемского прихода, равно как и Христофоровой пустыни, выполнены специалистами отдела - Ю.А.Кузнецовым и С.В.Футковым.

14 сентября 1990 года возрожденный Коряжемский храм вновь был освящен, на сей раз - епископом Архангельским и Мурманским Пантелеймоном. В феврале 1997 года начато строительство колокольни, а уже 10 апреля 1998 года привезены, освящены и подняты на звонницу три колокола, отлитые на Урале - дар Котласского ЦБК.

13 июня 1998 года коряжемскому приходу возвращены власяница и вериги преподобного Лонгина Коряжемского. Долгое время они находились в фондах Сольвычегодского историко-художественного музея. Надо отметить, что произошло это событие с подачи сотрудников музея и в первую очередь - его директора А.А.Бильчука. Святыни были доставлены в Коряжму на частном теплоходе «Кристалл». И в Сольвычегодске, и в городе лесохимиков прошел крестный ход, собравший массу народа. Кстати, впервые за многие десятилетия в Сольвычегодском Благовещенском соборе (ныне - музеем) владыкой Тихоном было проведено торжественное богослужение.

19 декабря 2000 года у деревни Песчанка Коряжемского сельского Совета установлен и освящен православный поклонный крест. А рядом - уходящая в Вилегодский район дорога. По ней ли, по лесной ли тропе уходил из Коряжемской обители, к новому «святому месту», сподвижник Лонгина Коряжемского Христофор? И Христофорова пустынь, и святой источник при ней - бывшие владения Николо-Коряжемского монастыря, тоже восстанавливаются заботами коряжемских священников и прихожан. Найденный чудодейственный родник очистили и облагородили, срубили часовенку над ним. Восстанавливается старинный храм, обустраивается будущий женский монастырь.

Все, как и жизнь, идет своим чередом.

Источники и литература:

1. Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 год СПб , 1902.
2. Великоустюгский филиал Государственного архива Вологодской области (ВУФ ГАВО). Ф.Р-87. Оп.2.
3. ВУФ ГАВО. Ф. 436. Оп. 1. Д.126а.
4. Голубинский Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903.
5. За коммунистический труд. 16.11.1974.
6. История Николаевского Коряжемского монастыря Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. М: Издание священника Иакова Шестакова, 1902.
7. Николаевский Коряжемский монастырь. // Вологодские епархиальные ведомости. 1901.
8. Ноговицын В. Монастырская библиотека. // Трудовая Коряжма. 31.08.2000.
9. Преподобные Лонгин и Христофор Коряжемские и их жизнеописание. СПб.: Сатись, 1998.
10. Торжество в Коряжме. СПб.: Типография И.Генералова. 1905.